

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ОСНОВНОГО БОГОСЛОВИЯ

Уткевич В. А.

(Витебск, Витебская духовная семинария)

Основное богословие в качестве учебной дисциплины возникло относительно недавно. В данной работе мы не будем приводить различные определения этого термина, но отметим, что во многих из них ярко выражена гносеологическая идея познания и рационального обоснования с помощью сил естественного разума основных религиозных истин о Боге, о человеке и о материальном мире. Таким образом, основное богословие в некотором смысле можно считать научным и философским обоснованием веры. Безусловно, рациональное обоснование как таковое многим православным не нужно. Им достаточно даже в зрелом возрасте того, что называют «детской» веры, умения всем своим духовным естеством непосредственно увидеть христианские истины, не прибегая к аргументам разума. Кстати, великий древнегреческий философ Платон придерживался аналогичной точки зрения, полагая, что совершенный мир идей философа может увидеть (то есть познать) лишь с помощью особого органа – ума, а логика для такого гносеологического акта не нужна. Причем, по мнению философа, даром ума обладает лишь очень маленькая часть человечества. Несовершенный же мир вещей могут познать практически все люди, с помощью органов чувств и логики.

С христианской же точки зрения, напротив, именно умом наделены все без исключения люди с самого рождения. Согласно православной традиции, органом мышления у человека является сердце, понимаемое не в чисто материальном смысле, а как сосредоточение всех духовных человеческих сил. Именно с этим органом и связан в первую очередь процесс познания той высшей Истины, Которая является Богом. Происходит это таинственным способом, который мы не в состоянии адекватно понять. «Знаем только, что сквозь зияющие трещины человеческого рассудка видна бывает лазурь вечности. Это непостижимо, но это – так. И знаем, что «Бог Авраама, Исаака, Иакова, а не Бог философов и ученых» приходит к нам, приходит к одру ночному, берет нас за руку и ведет так, как мы не могли бы и подумать. Человекам это «невозможно, Богу же все возможно»» (Мф. 19:26; Мк. 10:27) [1, с. 489].

Важно подчеркнуть, что, в приведенном нами высказывании русского богослова и философа П. А. Флоренского из произведения «Столп и утверждение истины» речь идет не о гносеологическом, а именно онтологическом статусе Истины. Из данного исходного методологического положения можно сделать вывод о том, что традиционная фраза о том, «человек познает истину», к процессу непосредственного богопознания никакого отношения не имеет. На самом деле не мы познаем Истину, а Она раскрывается в наших сердцах. «Сама Троица Истина, – подчеркивал отец Павел, – делает за нас невозможное для нас. Сама Троица Истина влечет нас к себе» [1, с. 489].

Итак, Истина по своей природе онтологична, и в качестве таковой Она существует вечно и неизменно, независимо от людей. Возникает вполне очевидный вопрос о том, способно ли основное богословие с помощью своих рациональных средств познать Ту Истину, Которая есть Бог? На наш взгляд, ответ на данный вопрос – следующий: познать не способно, но вот выразить ее отдельные феноменологические проявления (или логосы) в рамках некоторого концептуально-понятийного аппарата с помощью данных средств вполне возможно. Естественно, что любое такое выражение касается Истины не напрямую, а только лишь опосредованным способом. Соответственно, оно будет не просто неполным, но и синкретическим, т.е. включать в себя наряду с различными гносеологическими истинами те элементы знания, которые истинной не являются. Причем, в этом отношении можно говорить о временности и исторической изменчивости таких истин.

В этом-то и заключается радикальное отличие основного богословия от догматического, что в последнем некоторые положения, взятые из Священного Писания, носят богооткровенный характер и не могут быть пересмотрены в связи с появлением новых философских идей или научных теорий, и тем более они не зависят от субъективности несовершенного естественного человеческого рассудка. В этом отношении догматическое богословие сверхактуально, так как его главные положения носят внеисторический характер. В рамках же основного богословия актуальность рассматриваемых вопросов (сказанное не относится к использованию в его рамках основных догматов христианской веры) и результаты их познания в значительной степени субъективны, как субъективен и весь гносеологический процесс, осуществляемый человеком, являющимся относительно свободным существом. Именно такая свобода человеческой самости и лежит в основе несовершенства его познавательной деятельности.

Отмеченное нами гносеологическое несовершенство основного богословия позволяет считать его специфической научной дисциплиной.

Прежде чем исследовать данную специфичность, обратим внимание на то, что в русском языке само слово «наука» имеет множество семантических значений. Мы не будем рассматривать все эти значения, а остановимся лишь на гносеологическом понимании данного термина. В рамках такого понимания в русском языке слово «наука» относится к совершенно различным познавательным дисциплинам. Наука – это физика, химия или биология, но с другой стороны наукой называют также педагогику, психологию и социологию. Однако в некоторых языках используется не одно, а два различных слова, служащих для обозначения теоретико-познавательной человеческой деятельности. Во-первых, для обозначения процесса познания материальных объектов в английском языке, например, употребляется слово «science». А, во-вторых, для обозначения процесса познания различных нематериальных проявлений человеческой души в английском языке используется слово «humanity». Таким образом, физика, химия и биология – это «science», а педагогика, психология и социология – это «humanity».

Возникает вопрос о том, к чему ближе основное богословие? На наш взгляд, несмотря на то, что оно опирается одновременно и на данные естествознания, и на данные гуманитарных исследований, основное богословие в гносеологическом отношении ближе к «science», благодаря использованию в нем некоторых универсальных познавательных приемов и логически корректных рассуждений. В рамках же «humanity» такие приемы практически не используются, так как объект исследования считается уникальным в своей индивидуальной особенности. Кроме того, в «humanity» выше роль субъективного фактора и ниже уровень логической корректности в рассуждениях. Вот почему учение о проявлениях человеческой души значительно ближе к нравственному богословию. В целом же можно считать, что отмеченные нами богословские дисциплины представляют собой синкретическое единство двух гносеологических подходов: естественнонаучного и гуманитарного.

Кроме того, в основном богословии содержится некая часть предмета, которую невозможно атрибутировать в рамках вышеуказанного противопоставления «science» и «humanity». Конечно, это вера, без наличия которой богословствовать вообще невозможно. Но, кроме того, это еще и обладание умением «непосредственного видения истины». Подчеркнем, что в данном случае речь не идет о видении человеком Истины, открывающейся в его сердце. Речь о другом, о том, что некоторые богословские понятия представляют собой внутренне противоречивый концепт. Причем, данная противоречивость является следствием ущербности человеческого мышления. Традиционно считается, что с момента грехопадения человек утратил физическое и нравственное

совершенство, однако очень редко указывается на то, что его рациональное мышление также утратило совершенство. Об этом свидетельствует тот факт, что после грехопадения Адам стремился спрятаться от Бога, однако ему раньше доподлинно было известно, что Бог вездесущ, и спрятаться от Него невозможно.

Таким образом, когда мы говорим о том, что в основном богословии существуют противоречия необходимо понимать, что их источник носит двойственный характер. Во-первых, это субъективные индивидуальные особенности отдельных людей. А, во-вторых, общечеловеческое родовое несовершенство рационального мышления. Данное несовершенство проявляется даже в рамках формальной логики и математики, в которых существуют так называемые «неразрешимые противоречия». Можно смело утверждать, что противоречивость является неотъемлемым атрибутом человеческого разума, феноменологическим свидетельством его принципиального несовершенства. А поскольку мы не можем избавиться от специфических особенностей деятельности человеческого разума, то мы и не в состоянии избавиться и от противоречивости мышления. Данное свойство задано изначально, следствием его является гносеологическая ущербность человеческого познания, осуществляемого с помощью средств естественного разума. Однако это ни в коей мере не свидетельствует о полной ошибочности такого познания. Истинное знание в данном случае получается в результате преодоления, диалектического снятия противоречий с помощью феномена непосредственного видения истины.

Несомненно, некоторые люди, обладающие научным складом ума, совершающие свои первые шаги на пути рационального познания могут пройти через искушения, носящие гносеологический характер. Они будут стремиться к преодолению кажущихся или реально существующих противоречий между различными богословскими утверждениями. Сделать это в полном объеме принципиально невозможно, поэтому неопитам в богословии можно посоветовать принять и воспринять данный феномен. Во-первых, нужно принять, что противоречия носят неразрешимый характер, а, во-вторых, нужно воспринять, что они не мешают рациональному богопознанию. Воспринять в данном случае означает – отвергнуть их как несущественные, не думать о них, и не основываться на них. И только лишь благодаря такому к ним отношению, с течением времени наступает гносеологическое просветление человеческого разума, при котором ущербность рационального научного познания будет преодолена телеологичностью мышления.

Немецкий философ XX столетия М. Хайдеггер в работе «Что значит мыслить?» подчеркивал, что наука не мыслит: «Отношение науки к

мышлению лишь тогда истинно и плодотворно, когда становится видна пропасть, существующая между наукой и мышлением, притом такая пропасть, через которую невозможен мост. От науки в мышление нет мостов, возможен лишь прыжок» [2, с. 138]. Мы полностью согласны с данным утверждением, при условии того, что разговор ведется об осмысляющем человеческом мышлении, о том, которое должно быть связано со смыслом. Смысл же имеет только лишь то, что либо вечно само по себе, либо само по себе не вечно, но онтологически связано с вечностью. Так, например, земная человеческая жизнь конечна, но она влияет на вечную жизнь человеческой души. Таким образом, богословие имеет смысл, то есть представляет собой единство осмысляющего мышления и рационального рассудка именно благодаря тому, что в его рамках изучается не только Сам вечный Бог, но и пути человеческого спасения, пути движения человека к вечной жизни с Богом. Поэтому, если мы говорим, что богословие представляет собой науку, то речь в данном случае может вестись только лишь о весьма специфической науке, принципиально отличающейся от других наук. Последние отвечают только лишь на вопрос о том, как получить практический результат, не осмысляя сущностной его необходимости, богословие же в первую очередь отвечает на вопрос о конечном смысле нашей деятельности, направленной на получение данного результата.

В заключение отметим, что важнейшим методическим принципом, на котором построена вся система школьного и высшего образования считается принцип научности. В свете сказанного о принципиальном отличии основного богословия от других научных дисциплин, его преподавание должно быть построено на требовании приоритета принципа телеологичности над принципом научности. Данный приоритет детерминирован именно рассмотренным нами гносеологическим статусом основного богословия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины. Т.1 / П. А. Флоренский. – М.: Правда, 1990. – 490 с.
2. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер. – М.: Высшая школа, 1991. – 191 с.